

Хахачин: к калмыцко-бурятским этническим связям

Баир Зориктоевич Нанзатов¹, Владимир Владимирович Тишин²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670041 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670041, г. Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: tihij-511@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Нанзатов Б. З., Тишин В. В., 2020

Аннотация. В статье предпринят опыт выяснения происхождения калмыцкого этнонима *хахачин*, достоверно известного не ранее чем с середины XIX в. Предложено сопоставление его с известным среди хори-бурят этнонимом *хахшууд*, зафиксированным также у бурят Монголии как *хагшууд*, у шэнэ-баргутов как *хахчууд*. Привлечение якутского материала, в частности отмеченного Я. И. Линденау эпонима Kogosuk, а также данных по исторической этнонимике позволило авторам прийти к выводу об общем происхождении рассматриваемых этнонимов и реконструировать исходную форму *qayaciŋ. Как различные варианты этнонима, отмеченные в среде бурят (и зависимые от одного из них формы, восстанавливаемые в якутской этнонимике и антропонимике), так и калмыцкий *хахачин* показывают параллельное развитие этого варианта.

Ключевые слова: калмыки, буряты, якуты, этническая история, этноним, этимология, ономастика

Благодарность. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Хахачин: к калмыцко-бурятским этническим связям // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 2. С. 46–55. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-46-55

UDC 39

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-46-55

Khakhachin: Regarding the Kalmyk-Buryat Ethnic Relations

Bair Z. Nanzatov¹, Vladimir V. Tishin²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanovoy St., 670041 Ulan-Ude,
Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanovoy St., 670041 Ulan-Ude,
Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Researcher
E-mail: tihij-511@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Nanzatov B. Z., Tishin V. V., 2020

Abstract. The article makes an attempt at clarifying the origin of the Kalmyk ethnonym *khakhachin* which reliably dates back to the mid-XIX century. It is compared to the well-known among Khori-Buryats ethnonym *khakhshud* which appears among Buryats of Mongolia as *khagshud* and among Shene-Barguts as *khakhchuud*. Expanding the research with Yakut material and in particular the ethnonym Kogosuk mentioned by Ya. I. Lindenau, and also historical ethnonymics data allowed to infer the common origin of the given ethnonyms and reconstruct the original form *qayač̣in. The different variations of the ethnonym registered among Buryats (and dependent on one of them forms reconstructed in Yakut ethnonymics and anthroponimics) as well as the Kalmyk *khakhachin* show the parallel development of this variant.

Keywords: Kalmyks, Buryat, Yakut, ethnic history, ethnonym, etymology, onomastics

Acknowledgment. The study was conducted with the support of RFBR grant № 19-09-00082 “Innermost Asia in the historical cartography: the reconstruction of its historical and cultural past”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Khakhachin: Regarding the Kalmyk-Buryat Ethnic Relations. In: *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. No. 2. Pp. 46–55. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-46-55

Согласно описанию российского этнографа XIX в. П. И. Небольсина, в составе калмыков Хошоутовского улуса известно одно из двух подразделений хойтского рода, имеющее название *хахачин*, «одного из сороков, на которые делился керэтов род бывшего торгоутовского улуса» [Небольсин 1952: 19]. В доступной литературе мы не смогли найти каких-либо других упоминаний о носителях данного этнонима, кроме тех, что опираются на работу П. И. Небольсина. Насколько также нам известно, этноним не привлекал к себе специального внимания*. Без углубления в вопросы, связанные с историческим контекстом, нами предпринимается попытка выявить этимологию этнонима.

Слово известно только в русскоязычной передаче, но это не препятствует тому, чтобы рассматривать его исходный облик как *χaχⁿčin. Здесь явно выделяется последний слог, в котором хочется видеть аффикс < +čI/n, образующий именные формы со значением деятеля от именных основ, хорошо известный в монгольских и вообще в алтайских языках [Рорре 1954: 40–41; Рамстедт 1957: 208–210]. Однако в собственно калмыцком языке едва ли можно найти именную основу, которая могла бы выступить в качестве образующей в данном случае.

В этом отношении привлекает внимание этнонимика, отмеченная у других монгольских народов. В частности, в бурятской этнонимике, в числе шарайтов, одного из старейших хори-бурятских племен, известно подразделение *хахшууд* (бур. *хухур*), письм. *qaqšiuud* [qʰqsɯwd] ^{ᠠᠬᠢᠰᠢᠭᠢᠠᠳᠤ} (у Ц. Б. Цыдендамбаева дается как *хакиют* или *хакиют-шарайты* [Цыдендамбаев 1972: 92]). По этнографическим сведениям, этноним *хахшууд* также неоднократно зафиксирован у бурят в Монголии [Цэрэнханд 2005: 23], и — в форме *хахчууд* — у шэнэ-баргутов [Бадмаева 2005: 46].

Этимология этнонима *qaqšiuud* формально выявляется следующим образом: *qaqšiuud* < *qaqšiyud < *qaqšin + аффикс множественности +*yUd*. Предполагаемая исходная форма *qaqšin может быть интерпретирована как отыменное производное с тем же аффиксом *+šIn < +čI/n, где, следуя законам исторической фонетики бурятского языка, /č/ > /š/ перед /i/. Согласно Г. Д. Санжееву, этот процесс произошел «около XIV–XV вв. или несколько позднее, вплоть до XVI–XVII вв.» [Санжеев 1953: 93–94, 96] (см. также: [Рассадин 1982: 75–76]). Между тем, по крайней мере в записях бурятских слов, исследователями в XVIII в. отмечается параллельное употребление щелевых /č/ и /š/ [Будаев 1992: 49]. Как установлено, в частности для бурятизмов в якутском языке с инициальным /s/, этот звук мог развиваться только из шипящего сибиланта /š/ [Рассадин 1973: 179].

* Попытка этимологизации была бегло предложена в статье Б. А. Шантаева, который считает, что «этноним происходит от слова, означающего букв. „подавиться“» [Шантаев 2009: 135].

Отсутствие гласного перед аффиксом в бурятском этнониме позволяет предполагать, что речь идет о непервослоговом гласном неполного образования, находящемся в безударной позиции и потенциально склонном к редукации. Исходя из анализа текстов памятников письменного-монгольского языка, этот процесс фиксируется уже начиная с XIII–XIV вв. [Владимирцов 1929: 107–109, 312–313]. В калмыцком языке, судя по записям калмыцких слов европейскими путешественниками, он завершился не ранее XVIII в. [Будаев 1992: 63].

Б. Я. Владимирцов, характеризуя отдельные подобные случаи для халхасского языка, писал: «Редуцированные гласные в положении между двумя шумными согласными, и особенно в случаях, когда один из согласных оказывается сильным, в халхасском могут произноситься, как глухие, без дрожания голосовых связок, потому что весь выдыхаемый воздух идет на образование шума сильного согласного», и далее: «Действительно, чрезвычайно трудно бывает провести разницу между гласным, до неопределенности редуцированным и гласным глухим; кроме того глухие гласные, обычно, появляются лишь во фразах, а не в изолированных словах» [Владимирцов 1929: 328–329].

Второй согласный, отраженный в бурятской и калмыцкой формах как */χ/, но в халхасской как */g/, должен отсылать к этимологическому /q/ [Porre 1955: 135–136; Рассадин 1982: 112–113]. Такая ситуация снова затруднила бы поиск этимологии.

Дополнительный материал для этимологических изысканий может быть найден в якутской среде.

Находившийся на службе у российского правительства немецкий исследователь Я. И. Линденау в своей книге «Описание якутов», составленной по материалам, собранным им в 1741–1745 гг., впервые фиксирует известную позже в разных других вариантах якутскую этногоническую легенду, где к предводителю по имени Omogon из рода *Batulu* явился «беженец по имени *Ersogotoh*, или, как они его еще иначе называют, *Elei*, или *Eldei-Bator*. Ему отдал Omogon свою приемную дочь, и у них было 8 сыновей и 4 дочери. Среди сыновей называются следующие имена: *Antantüik*, *Barkutai*, *Kordoi*, *Kogosuk*, *Bolotoi*, *Katamaldai*, *Tscheriktei*, *Artbudai*» [Линденау 1983: 17–18]. Далее описывается, что от всех них произошли различные племена. В данном случае наше внимание привлекло имя *Kogosuk*.

Много позже якутский исследователь Г. В. Ксенофонов привел текст источника, охарактеризованного им как «надпись, иссеченная на могильном камне И. Г. Шадрина им самим в возрасте в 1878 г. 70 лет и заключающая его родословие, начиная от общего предка якутов Эллэя», в 40 километрах от Якутска в местности Куллаты Аньяга. В приведенном ниже тексте надписи в квадратных скобках дано «правильное»

чтение имен, данное со слов его внука И. П. Шадрина): «1575 года во время [время] царя Иоанн Васильевич Грозный от колен Эль-ли [Эллэя] 1. Кюаван [Кюн-Абаган] 2. Хордокоосун [Хордой-Хогосуун] 3. Додуса-Дархан [Дойдууса-Дархан] 4. Мунтян [Мунньан] 5. Тыгын 6. 1660 года во время цар Алексей Михайлович Чемчон [Чёмчююн] 7. Тюрюннуй [Тёрюннуй] 8. Ута [Уктаа] 9. Тияса [Туйааса] 10. Мотун [Молтуун] 11. 1770 года во святом крещении наречены Павала Шадр. Алексей Шадр 12. Галактион Шадр 13. Иоанн Шадр 14. Колена Эльля [Эллэя]...» [Ксенофонов 1977: 37–38]. Имя *Хордокоосун* или *Хордой-Хогосуун*, человека, отмеченного как потомка Эль-ли (Эллэя) в третьем поколении, здесь предстает как сочетание двух форм, известных у Я. И. Линденау.

В предании, записанном в 1893 г. известным якутским деятелем П. Е. Готовцевым из Баягантайского улуса, «близнецы» предстают в виде одного персонажа — *Хордой Хойоѳос* (его сын — *Бороѳон*) [Пекарский 1909]. Ср. в словаре Э. К. Пекарского: «Хордой Хоѳоѳос один из четырех сыновей Älläi-я, отец Бороѳон-а», приведено в статье *хоѳоѳос* ‘довольно густой, густоватый’ (ср. *хоѳоѳос*) [Пекарский 1959: стб 3441].

Имя *Kordoi* традиционно отождествляется с бурятским эпонимом *Xoridoi*, *Xor'odoi*, а также *Qorilartai* «Тайной истории монголов», связанных, соответственно, с этнонимами бур. *χori*, *χor'v* и ср.-монг. *qori-tumat* (см.: [Histoire des campagnes 1951: 59–60, 61–63; Румянцев 1962]. При этом, очевидно, якутская форма *Kordoi* демонстрирует адаптацию варианта с редуцированным гласным между /r/ и аффиксом +*dAi* (< **qor'v*).

Как известно, все перечисленные в зафиксированном Я. И. Линденау предании имена сыновей Эллэя представляют собой этнонимы, следовательно, имя, отмеченное у него в форме *Kogosuk*, в других преданиях представляющее как *-*коосун*, *Хогосуун* и *Хойоѳос* также логично сопоставить с каким-либо известным якутским этнонимом. Прежде всего, это те этнонимы, которые могут быть обнаружены в реестре административных единиц на конец XIX в. (по переписи 1897 г.). Там отмечен Хахсытский наслег в Западно-Кангаласском улусе [Патканов 1912: 720]. Кроме того, известен Хахсытский род в составе I Батулинского наслега Верхне-Вилуйского улуса [Справочник 1911: 10, 13, 68, 88, 118].

В словаре Э. К. Пекарского название соответствующей административной единицы регистрируется в исходной форме *хахсык*, где в статье в таком названии приводятся следующие значения *хахсык* [от ²*хахсыи* + *к*]: 1) «‘прогорьклый; протухлый, затхлый’», здесь же приведен топоним *Хахсыккүөл* — ‘урочище Орготского наслега Верхне-Вилуйского улуса’, и 2) «населенный зимний пункт в Орготском наслеге Верхне-Вилуйского ул. и название наслега (Хахсытского) в Зап.-Кангаласск. ул. (Якут. окр.)» [Пекарский 1959: 3148]. Следует отметить, что по русским документам в 1732 г. известно упоминание князца Кангаласской волости Мэкчирги Кахсыкова [Софронеев 1972: 111].

Между тем якутская форма *Kogosuk* может быть самостоятельно интерпретирована на основе монгольских языков, будучи сопоставлена с упомянутым бурятским этнонимом *qaqšiid*, позволяя связать его с калмыцким **χaχ^včin*.

Для первого слога якутская форма показывает нормальное развитие письменно-монгольского /q/ > як. /χ/ перед /a/ [Kałużyński 1961: 51–52]*. Начальный согласный в записанном Я. И. Линденау *Kogosuk* и отмеченное наименование *Кахсыков* не вызывают противоречий ввиду возможно отражения здесь нормального произношения /k^x**.

Исходным пунктом здесь выступает зарегистрированное явление, когда этимологический /γ/ не выпадал, образуя дифтонги и затем долгие гласные, а в позиции перед гласными, иными, чем **/i/*, давал /g./ в халхаском, бурятском, калмыцком, но в последних двух иногда — /χ/ [Porre 1955: 149–150; Рассадин 1982: 113, 151]. Это позволяет реконструировать исходный облик второго согласного для бурятского и калмыцкого этнонима как /γ/. Считается, что в бурятском языке спирализация смычного /γ/ > /χ/ в позиции между гласными отмечается не ранее XVIII в. [Будаев 1992: 52–53]. Написание *Kogosuk* отражает нормальное для якутского языка чередование /γ/ ~ /χ/ [Коркина, Убрятова, Харитонов, Петров 1982: 96].

Вариативность первого гласного в разных вариантах записи основы в якутском объясняется собственно особенностями языка, где фиксируется различное произношение слов (с огубленной или неогубленной огласовкой), заимствованных в том числе из монгольской среды, при этом значительная часть таких случаев варьирования /a/ ~ /o/ в первом слоге наблюдается при соседстве гласного с /x/ [Иванов 1980: 68].

Следует сказать несколько слов о других формах, предоставляемых якутским материалом. Форма имени *Kogosuk* и наименование *Кахсыков*, демонстрирующие финальный **/k/* вопреки желаемому /n/, могут объясняться, вероятно, как следствия уподобления исходной формы слову *хахсык*, которое как раз помещено Э. К. Пекарским в одной статье с со-

* В письменно-монгольском языке развитие /q/ > /χ/ регистрируется достаточно рано [Владимирцов 1929: 403]. Бурятский язык знал смычный /k/ (с увулярным вариантом в твердорядных словах) еще в XVII в. [Бураев 1987: 61]. Другие материалы показывают, что как в бурятском, так и в калмыцком и монгольском языках еще в XVIII в. в твердорядных словах фиксируется параллельное употребление вариантов смычного /k/ и спиранта /χ/. В бурятском языке о полном завершении данного перехода можно говорить к XIX в. [Будаев 1992: 55].

** См., в частности, замечание О. А. Мудрака касательно подобных случаев: «Увулярный *x* в части диалектов произносится как аффриката в превокальной позиции и орфографическая норма написания отражает лишь различие увулярных и веллярных, а не степень спирализации» [Сравнительно-историческая грамматика 2002: 661]. Я. И. Линденау регулярно обозначает якутские комплексы /χa/, /χo/ посредством сочетаний /ka/, /ko/ [Линденау 1983: 48].

ответствующим этнонимом. Оно возводится им к глаголу *хахсыи* ‘горчать, горькнуть, прогоркать, прогорькнуть’, с которым сопоставляются бур. *гаиуң* ‘горький’, письм.-монг. ᠭᠠᠰᠢᠭᠤᠨ [*γasiγun*] «*γасигун*» ‘горький, терпкий’, маньчж. *госихунь* ‘горечь, горький на вкус’ [Пекарский 1959: 3148]. Однако, вопреки этому сопоставлению, здесь, скорее, именно тюркское образование: ср. *қақ ‘сухой, сушеный, высушенный’, алт. *қақша-*, ног. *қақса-*, хак. *хахса-* ‘сохнуть, рассыхаться’, кырг. *қақшы-*, ккалп. *қақсы-* ‘сохнуть, высыхать, пересыхать’, чаг. *kakši-* ‘рассохнуться’ и др. [Этимологический словарь 1997: 218–220]. Конечный /n/ сохраняют в других версиях генеалогического предания формы **-коосун*, *Хогосуун*, но они, как и форма *Хойобос*, демонстрируют уже вторичные варианты трансформации облика в устной речи эпонима без осмысливаемой увязки с существующим этнонимом *хахсык*.

Сказанное позволяет восстановить исходную форму бурятского этнонима как *qaywšin (< *qayačīn), где в качестве производящей именной основы может выступать форма, гомогенная с письм.-монг. *qayas* > *хаγас*, ср.: халх. *хабас* ‘половина, расколотый на двое’ [Владимирцов 1929: 124, 229, 388], калм. *хаγs* [qaga+s] ‘die Hälfte, halb; durch, entzwei (derlängenach)’ [Ramstedt 1935: 160], халх. *хаγас*, бур. *хахад*, *хагад*, калм. *хаһс* ‘половина’ [Санжеев, Орловская, Шевернина 2019: 19], в записях М. А. Кастрена — бур. (хоринск.) *хахат*, бур. (селенгинск.), *хахас* ‘половина’ [Будаев 1992: 176]*.

Трудно решить, была ли здесь изначально именно форма *qayas, с ассимиляцией финального согласного перед аффиксом вследствие уподобления (см., напр.: [Porre 1955: 109, 110]), или исходное и для нее имя *qaya, но в любом случае наличие аффикса **+šIn* < *+čIn* в данном случае показывает еще один пример, когда он выступает не только в функции обозначения деятеля**, а имеет более широкое значение***.

* Касательно письм.-монг. **-s* > халх. *-s*, бур. *-d*, калм. *-s* см.: [Porre 1955: 121–122; Рассадин 1982: 82, 83].

** В современном бурятском языке встречается форма с широким гласным, т. е. *+šA*, *+šAn*. Отыменный аффикс *+ši* (< письм.-монг. *+či*), образующий имена со значением деятеля, отмечен в XIX в. [Будаев 1978: 138–139]. Кроме того, форма с конечным *-n* известна по таким словам, как, например, отмеченное у И. К. Аделунга (XVIII в.) *дундошин* *‘средняя дочь’, а также в различных вариациях по диалектам у М. А. Кастрена, как-то: нижеуд. *айлшен*, тункинск. *айлшен*, *айлшин*, хоринск. *айлшин* ‘гость’ и нижеуд., тункинск. *көкшен*, хоринск. *хөкшен*, селенгинск. *хөкшен*, *хөкшин* ‘старый (о живых существах)’ [Будаев 1992: 158, 166, 201].

*** Ср. замечание Г. Д. Санжеева: «первоначально имена с окончаниями **-чин** обозначали наименования целых коллективов, целых социальных групп и употреблялись, в частности, в качестве родовых и племенных названий (*квремүчин* ‘керемучины’ от *керемү* ‘белка’, *булагачин* ‘булагачины’ от *булага* ‘соболь’ и т. д.)» [Санжеев 1953: 138].

Таким образом, получается возможным установить, что эпоним, зафиксированный в якутских генеалогических преданиях как *Kogosuk*, [Хордо]коосун или [Хордой-]Хогосуун, а также [Хордой] Хойоѳос отражает монгольский этноним, проникший в якутскую среду в фонетическом облике, характерном для бурятского языка *qaypšin. При этом в самой бурятской среде он впоследствии фиксируется в записи *qaqšiuđ*, в устной форме — *xaχšūđ*, среди бурят Монголии — как *χag šūđ*, а у шэ-нэ-баргутов — *xaχšūđ*. Встреченный у поволжских калмыков этноним **χaχ^očin* может считаться гомогенным. Все варианты, отмеченные, соответственно, в якутском, бурятском, баргутском и калмыцком материале, позволяют говорить о параллельном развитии одной исходной формы *qayučin, нигде, однако, не зарегистрированной. Разумеется, вопрос о возможности соотношения этих форм в историко-культурном контексте заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

- Бадмаева 2005 — Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.
- Будаев 1978 — Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.
- Будаев 1992 — Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Бураев 1987 — Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.
- Владимирцов 1929 — Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. XII. 436 с.
- Иванов 1980 — Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1980. 184 с.
- Коркина, Убрятова, Харитонов, Петров 1982 — Коркина Е. И., Убрятова Е. И., Харитонов Л. Н., Петров Н. Е. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
- Ксенофонтов 1977 — Ксенофонтов Г. В. Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 247 с.
- Линденау 1983 — Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под. общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Небольсин 1952 — Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 190, [2] с., 2 л. ил.

- Патканов 1912 — *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): в 3 т. Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. 1912. СПб.: Тип. «Ш. Буссель», 1911–1912. С. 434–999.
- Пекарский 1909 — *Пекарский Э. К.* Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии (Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина). Т. XXXIV. СПб., 1909 С. 145–156.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. III. Вып. 10–13. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Стб. 2509–3858, VIII с.
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. Й.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / пер. Л. С. Слоним; под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова. Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 255 с.
- Рассадин 1973 — *Рассадин В. И.* Бурятизмы в якутском языке // О. Н. Бетлингк и его труд «О языке якутов»: материалы конференции, посвященные 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бетлингка «О языке якутов» / отв. ред. Е. И. Коркина и Н. Е. Петров. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1973. С. 167–179.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 268 с.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2019 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. III: Q–Z. / отв. ред. Г. Д. Санжеев; ред.-сост.: Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2019. 240 с.
- Справочник 1911 — Справочник Якутской области на 1911 г., изданный Якутским областным статистическим комитетом под редакцией секретаря комитета М. П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления, 1911. 224 с.
- Сравнительно-историческая грамматика 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Софронеев 1972 — *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1972. 187 с.
- Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Цэрэнханд 2005 — *Цэрэнханд Г.* Монголчууд: угсаа-соёл, занзаншил. Улаанбаатар: АДМОН, 2005. 234 тал.
- Шантаев 2009 — *Шантаев Б. А.* Этнотерриториальная группа хошуты Республики Калмыкия: история расселения и современное состояние // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов:

- сб. науч. трудов. Вып. 1 / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 131–139.
- Этимологический словарь 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Қ» ~«К»). Вып. 1 / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- Histoire des campagnes 1951 — Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E. J. Brill, 1951. Т. I. XXVII, 485 p.
- Kalużyński 1961 — *Kalużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1961. 170 s.
- Poppe 1954 — *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Otto Harrassowitz 1954. XII, 195 p.
- Poppe 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1955. 300 p.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 s.